

Феудит Макнот

Каждый
твой
вздох

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М15

Серия «Мини-Очарование: Лучшее»

Judith McNaught

EVERY BREATH YOU TAKE

Перевод с английского *Т. А. Перцевой*
Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books,
an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Макнот, Джудит.

М15 Каждый твой вздох : [роман] / Джудит Макнот ;
[пер. с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2017. — 384 с. — (Мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-104481-7

Хозяйка ресторана Кейт Донован, собиравшаяся стать женой известного адвоката, неожиданно влюбляется в одного из клиентов своего жениха — легендарного чикагского магната Митчела Уайатта. Однако неожиданная гибель двух родственников Митчела дает полиции основания считать его убийцей.

На его причастность к преступлению указывают все улики — и теперь Кейт предстоит решить, готова ли она, несмотря ни на что, поверить в невиновность любимого мужчины...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Eagle Syndication, Inc., 2005
ISBN 978-5-17-104481-7 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Особняк Уайаттов гордой короной венчал покрытый снегом холм. Готические шпили вздымались прямо в небо, витражи в окнах сверкали драгоценными камнями.

В миле от него разворачивался настоящий парад роскошных автомобилей. Лимузины и супердорогие машины медленным потоком направлялись к затянутому в униформу охраннику, стоящему у входа в ворота. Каждый раз, когда рядом останавливалась очередная машина, охранник сверял имена пассажиров со списком гостей и вежливо, но непреклонно сообщал водителю:

— Мне очень жаль, но из-за сегодняшнего снегопада мистер Уайатт не разрешает машинам парковаться во дворе.

Если за рулем был наемный шофер, охранник отступал, позволяя ему сворачивать на подъездную дорожку, чтобы доставить пассажиров к самому дому, прежде чем вернуться на основную дорогу и ждать окончания вечера.

Если же машину вел сам владелец, охранник показывал ему на длинный ряд блестящих черных «рейнджроверов», припаркованных на перекрестке. Из выхлопных труб вились дымки, означавшие, что двигатели остаются включенными.

— Пожалуйста, подъезжайте сюда и оставьте машину у служителя, — объяснял он. — Вас отвезут к дому.

Однако, как скоро обнаруживал каждый вновь прибывший, этот процесс был вовсе не так прост

и удобен, как казался на словах. Хотя служителей, как и свободных «рейнджроверов», было немало, высокие сугробы и припаркованные машины так сузили дорогу, что местами было совершенно невозможно проехать, а нескончаемая процессия медленно движущихся автомобилей превратила четыре дюйма никем не убранного снега в густой слой слякоти.

Вся процедура донельзя нервировала и раздражала... Всех, кроме... детективов Чилдресса и Макнила, сидевших в неприметном «шевроле» без номеров, стоявшем в боковом проезде, в ста пятидесяти ярдах от входа в поместье Уайаттов. Оба были членами тщательно отобранной команды, созданной только сегодня утром и призванной держать Митчела Уайатта под круглосуточным наблюдением.

В восемь часов вечера они проводили его машину сюда, в поместье Сесила Уайатта, где он ловко ускользнул от охранника, пытавшегося остановить его, а потом свернул на дорожку, предназначенную для хозяйских машин, и исчез из поля зрения. После этого детективам не оставалось ничего, кроме как припарковаться и вести запись всех, с кем общался объект слежки. Чтобы облегчить себе задачу, Чилдресс обозревал сцену действия в прибор ночного видения, диктуя номера машин и всякую полезную информацию Макнилу, который старательно заносил все в блокнот.

— К старту приближается новый участник соревнования, — пробормотал Чилдресс, когда очередная пара фар приблизилась к охраннику, после чего вслух прочел номер машины и описал ее и водителя: — Белый «мерседес», модель этого года или прошлогодняя, водитель — белый мужчина, лет пятидесяти с лишним, пассажирка — белая женщина, лет двадцати с лишним, прижимается к улыбающемуся папику.

Не дождавшись ответа, Чилдресс поднял глаза и понял, что внимание Макнила сосредоточено на машине, медленно спускавшейся с холма справа.

— Должно быть, кто-то, кто живет там, наверху, — пробормотал Чилдресс, но тут же добавил, увидев, как черный «линкольн-таун-кар» остановился, закупорив выезд с дорожки, где они стояли: — Смотри-ка, да он еще и любопытен.

Задняя дверца отворилась, и оттуда вышел мужчина лет сорока в длинном черном пальто. Чилдресс опустил стекло, намереваясь извиниться за свое присутствие в неподходящем месте, но когда тот остановился и поднес к уху мобильник, мгновенно узнал его и прошептал:

— Это Грей Эллиот. Что он здесь делает?

— Живет в этих местах. Может, приглашен на вечеринку.

— Или решил присоединиться к нашей компании и вести наблюдение, — пошутил Чилдресс без особого, впрочем, воодушевления. Всего год в должности прокурора штата — и Грей Эллиот успел стать героем для каждого здешнего копа: блестящий прокурор, не боящийся братья за самые трудные и рискованные дела. Тот факт, что он принадлежал к числу людей, которые предпочитали служить обществу, вместо того чтобы приумножать и без того немалое состояние, только добавлял блеска его героическому имиджу.

И Макнил симпатизировал ему именно по этим причинам. Впрочем, он всегда любил Грея, даже когда тот был беззаботным, легкомысленным, сумасбродным подростком, которого сам Макнил несколько раз приводил в участок за мелкие нарушения.

Закончив разговор, Эллиот подошел к машине, наклонился и заглянул внутрь.

— Вы, должно быть, Чилдресс, — бросил он вместо приветствия, но тут же обратился к Макнилу: — Мак, можно вас на пару слов?

Макнил вышел и, обогнув машину, остановился у багажника. Ветер стих, и работающий двигатель гнал по ногам теплые выхлопные газы.

— Я просил, чтобы вас назначили на это расследование, — начал Грей, — потому что вы возглавляли дело по исчезновению Уильяма Уайатта и знакомы со всеми участниками...

— Не со всеми, — перебил Мак, не сдержав любопытства. — До сегодняшнего дня я и слыхом не слыхал ни о каком Митчеле Уайатте. Кто он такой, черт возьми, и почему мы за ним следим?

— Единокровный брат Уильяма Уайатта. И, по моему мнению, именно он виновен в исчезновении Уильяма.

— Единокровный брат? — повторил Мак, с сомнением качая головой. — После пропажи Уильяма я опросил всех членов семьи и его друзей. Никто и словом не обмолвился о существовании единокровного брата. Мало того, когда я говорил с Сесилом Уайаттом, старик несколько раз повторил, как важно найти и вернуть жене и ребенку его единственного внука.

— Вас намеренно ввел в заблуждение чванливый, хитрый старый дьявол, не желавший объяснить, что у него есть еще один внук, которого он никогда не хотел признавать. Я знаком с Уайаттами всю жизнь и тоже понятия не имел о единокровном брате Уильяма. Как, впрочем, и сам Уильям до июня этого года. Если верить истории, которую я только сейчас услышал, отец Уильяма, Эдвард, спутался со своей секретаршей, когда Уильяму было года два и его мать умирала от рака. Секретарша забеременела, а рак вскоре доконал жену Уильяма. Но когда любовница стала давить на Эдварда, требуя, чтобы тот женился, как обещал, он стал уваливать, а потом вообще отрекся от отцовства. Хитрая бабенка пригрозила поведать свою печальную историю репортеру «Трибюн».

Тут мобильный Эллиота снова завибрировал. Проверив номер звонившего, он сунул трубку в карман и продолжал:

— В то время Сесил решил продвигать Эдварда в большую политику, и скандал разрушил бы все

его планы, но и позволить «ничтожной маленькой потаскушке» войти в семью было немислимо. Такого он допустить не мог. Сесил пытался откупиться, но она продолжала настаивать на праве ребенка иметь законное имя, называться Уайаттом и воспитываться, как Уайатт. Она наняла адвоката, и наконец обе стороны пришли к согласию: Эдвард женится на ней за несколько недель до появления новорожденного и разведется сразу после родов. Она отказалась от всех прав на ребенка, передав его под опеку Сесила. Сесил, в свою очередь, обязался позаботиться, чтобы ребенок воспитывался, как подобает Уайатту, со всеми привилегиями, какие дают деньги и связи в обществе, а также включая лучшее образование, путешествия за границу и тому подобное. При этом она получала значительную сумму при условии, что никому ни слова не скажет о том, что случилось, и никогда не попытается вступить в контакт с заинтересованными сторонами, в том числе и с собственным отпрыском.

Макнил поднял воротник куртки. Если нижней части тела было довольно тепло, то уши превратились в ледышки.

— Очевидно, позднее Сесил передумал насчет внука, — пробормотал он, растирая руки, прежде чем сунуть их в карманы.

— Нет, он следовал букве, но не духу сделки. И хотя согласился, чтобы Митчел воспитывался со всеми подобающими Уайатту привилегиями, какие дают деньги и связи в обществе, все же вовсе не имел в виду, что в круг этих связей должна входить сама семья Уайаттов. Через неделю после рождения Сесил отослал Митчела вместе с фальшивым свидетельством о рождении в Италию на воспитание в одну чем-то обязанную ему семью. Когда мальчику исполнилось года четыре, Сесил вырвал его из привычного окружения и отправил в дорогой французский пансион. Позже он учился в частной швейцарской школе, а потом в Оксфорде.

— А парнишка знал свое настоящее имя? Или имя того, кто платил за его шикарное образование? — спросил Макнил.

— Семья, с которой он жил в Италии, рассказала парню только то, что было велено: будто бы его подбросили на порог одного калифорнийского дома, имя и фамилия наугад выбраны из телефонного справочника, а какие-то щедрые американские спонсоры регулярно платят за воспитание и обучение таких же подкидышей, как он, взамен желая только одного — оставаться анонимными.

— Иисусе, — вздохнул Макнил.

— Если это жалость, оставьте ее для того, кто этого заслуживает, — саркастически хмыкнул Эллиот. — Судя по тому, что я слышал, юный Митчел вовсю наслаждался жизнью и на все сто использовал свои возможности. Способный спортсмен, он преуспел в спорте, учился в лучших школах и был на короткой ноге с детьми из лучших европейских семей. После окончания колледжа он на редкость умно использовал свое образование, приятную внешность и приобретенные связи, умудрившись сделать кучу денег. Теперь ему тридцать четыре, и почти все его компании находятся в Европе. У него есть квартиры в Риме, Лондоне, Париже и Нью-Йорке.

Эллиот взглянул на часы и нахмурился, пытаясь разглядеть циферблат в темноте.

— Не скажете, который час?

Макнил задрал рукав и глянул на большие светящиеся зеленые цифры своего «Таймекса»*.

— Восемь сорок пять.

— Мне нужно идти. Хотя бы ненадолго появиться на вечеринке Сесила.

— Но как же Уайатт оказался здесь и сейчас после стольких лет? — поспешно поинтересовался Макнил, стараясь максимально использовать оставшиеся минуты.

* Товарный знак недорогих надежных часов, производимых одноименной компанией в г. Гринвич, шт. Калифорния. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Семь месяцев назад, в начале июня, Уильям полез в старый сейф, наткнулся на какие-то документы и был возмущен отношением отца и деда к бедному единокровному брату. Он нанял детективов, и когда те обнаружили Митчела Уайатта в Лондоне, Уильям взял жену и сына и полетел в Лондон лично представить их брату и объяснить, что произошло.

— Очень благородно с его стороны.

Эллиот закинул голову и взглянул на небо.

— Тут вы правы, — ответил он голосом человека, пытавшегося скрыть свои чувства. — Уильям был действительно славным парнем, единственным мужчиной в этой семейке на протяжении многих поколений, которого никак нельзя считать эгоистичным социопатом.

Он резко опустил голову.

— Что тут поделать? Когда Уильям вернулся из Лондона, переполненный восторгами по поводу поразительных успехов Митчела, Эдвард и слушать ничего не пожелал, заявив, что не собирается иметь ничего общего с так называемым сыном, однако старый Сесил впечатлился настолько, что попросил о встрече. Встреча состоялась в августе, когда Митчел приехал сюда якобы по делам. В ноябре исчез Уильям, и Сесил попросил Митчела вернуться в Чикаго, чтобы они смогли узнать друг друга получше. Как ни странно, старику так пришлось по душе блудный внук, что он даже пригласил Митчела на праздник в честь своего восьмидесятого дня рождения. Ну а теперь мне пора, — бросил он уже на ходу, направляясь к машине. Но Макнил не отставал.

— Вы так и не сказали, почему мы держим Митчела Уайатта под наблюдением, — напомнил он.

Эллиот резко остановился. Лицо словно окаменело, а в голосе зазвенел лед.

— А разве я не сказал? По двум причинам: в сентябре, через месяц после трогательного воссоединения Сесила и Митчела, Эдвард, отец Уильяма и Мит-

чела, упал с балкона тридцатого этажа и, разумеется, разбился. В ноябре исчез Уильям. По странному совпадению, согласно отметке в американском паспорте и отчетам Иммиграционной службы о прибытии в страну, Митчел Уайатт приезжал в США как раз перед каждым печальным событием и почти немедленно уезжал после очередной трагедии.

Макнил настороженно прищурился.

— Теперь часть картины вам ясна. Могу добавить, что Митчел пробыл в Чикаго две недели. Живет в доме Уильяма. Утешает его красавицу-жену и успел подружиться с его четырнадцатилетним сыном, — продолжал Эллиот и, не скрывая омерзения, резко добавил: — По-видимому, Митчел Уайатт систематически истребляет членов собственной семьи и перетягивает оставшихся на свою сторону.

— Считае, он хочет загрести фамильное состояние? — заключил Макнил.

— Считаю, что гены Уайаттов произвели на свет очередного социопата. Полного и законченного. Хладнокровного, жестокого убийцу.

После его ухода Макнил снова забрался в «шевроле» вместе с Чилдрессом и долго смотрел, как машина Эллиота остановилась у перекрестка, в ожидании пока группу гостей перевозили к дому. Седовласая женщина поскользнулась в слякоти, и муж едва успел ее поддержать. Паря средних лет дрожала на холоде, пока нервные престарелые супруги с помощью служащих парковки пытались подняться на высокую подножку «рейнджровера».

— Знаешь, — заметил Чилдресс, когда машины наконец тронулись, — когда мы сегодня проезжали мимо ворот, я глянул на подъездную дорогу, ведущую к дому, и могу поклясться, она выглядела абсолютно чистой. Ни единой снежинки.

— Точно, — согласился Макнил.

— Так какого же черта охранник заставляет всех оставлять машины здесь, на главной дороге?

10 — Кто знает? — пожал плечами Макнил.

Глава 2

Поток прибывающих гостей сузился до тонкой струйки, когда очередная машина медленно приблизилась к воротам. Чилдресс отставил крышку от термоса, в которую только что налил кофе, и взял бинокль. Макнил потянулся к блокноту и принялся записывать передаваемую напарником информацию.

— Винтажный «роллс», возможно, 50-х годов, темно-бордовый, в идеальном состоянии. За рулем водитель. На заднем сиденье пассажирка. Господи, что за красота!

— «Роллс» или пассажирка? — уточнил Макнил.

— «Роллс», — смешливо фыркнул Чилдресс. — Пассажирке на вид лет девяносто. Лицо морщинистое, как сушеная слива, а какую гримасу она скорчила! Просто страх! Вероятно, из-за того, что говорит охранник водителю, которому, судя по виду, тоже под девяносто. Полагаю, старой леди не нравится парковать «роллс» на улице.

Тут Чилдресс ошибся. Недовольством тут и не пахло. Сестра Сесила, Оливия Хиберт, была вне себя от бешенства.

— Ну что за чванливый тиран! — пожаловалась она водителю, когда тот остановился за рядом «рейнджроверов». — Взгляните на подъездную дорожку, Грейнджер. Вы видите там снег?

— Нет, мадам.

— Сесил сбивает гостей в отары, как овец, только чтобы показать свою власть!

— Похоже, вы правы, мадам, — голосом, дрожащим от возраста и негодования, согласился водитель, служивший у нее сорок лет.

Довольная тем, что Грейнджер понял и согласился, Оливия Хиберт в бессильной ярости откинулась на спинку мягкого кожаного сиденья. Как все, кто знал ее брата, Оливия была очень хорошо знакома с внезапными и не слишком приятными причудами Сесила, причудами, которые тот время от времени изобретал по

единственной причине — навязать свою волю людям, считавшимся ему ровней, и этим еще и еще раз доказать, что он по-прежнему выше их всех.

— Поверить не могу, что люди все еще мирятся с наглым поведением восьмидесятилетнего сноба, — горько вздохнула она. — Просто удивительно, как это они не повернутся и не уедут домой, увидев, что дорожка совершенно чиста!

Говоря это, Оливия немного кривила душой, поскольку прекрасно сознавала, почему гости Сесила готовы мириться с сегодняшними бессмысленными неудобствами. Впервые, Сесил широко занимался благотворительностью, на которую тратил десятки миллионов долларов. И во-вторых, они собрались, не столько чтобы отпраздновать вместе с ним его восьмидесятилетие, сколько пережить событие, омраченное исчезновением любимого внука — тридцатишестилетнего Уильяма.

— В довершение всего сегодня вечером он еще и беззащитно использует людское сочувствие. Вот чем он занимается, — прошипела Оливия, когда «роллс» остановился перед домом, где запоздавшие гости все еще выходили из «рейнджроверов».

Грейнджер не ответил, экономя силы для утомительного путешествия вокруг машины к задней дверце, которую полагалось распахнуть для пассажирки. Сгорбленные под тяжестью лет плечи бедняги, искореженные артритом позвоночник и колени вызвали искреннюю жалость. Тонкие прядки серебряных волос выбивались из-под черного водительского кепи, а тощая фигурка буквально утопала в черном пальто, ставшем за последнее время слишком просторным для старичка.

С усилием открыв дверцу, он протянул изуродованную ревматизмом руку, чтобы помочь даме выйти. Оливия вложила в нее затянутые в перчатку пальцы.

— Пожалуй, нужно отдать ваше пальто в переделку, — заметила она, потянувшись к своей трости. — Это для вас немного велико.

— Мне очень жаль, мадам.

Сжимая трость правой рукой и вцепившись левой в рукав его пальто, Оливия позволила старику медленно вести ее к двери, где в освещенном проеме уже ждал дворецкий Сесила.

— И попытайтесь больше есть, Грейнджер. Одежда в наше время обходится не меньше, чем когда-то новая машина.

— Да, мадам.

Старики с трудом одолели три каменные ступени крыльца, и Грейнджер, слегка задыхаясь, спросил:

— Как вы дадите мне знать, когда пожелаете уехать?

Оливия мигом остановилась, словно оцепенев, и свирепо уставилась на него.

— Даже не думайте двинуться с места! — предупредила она. — Мы по крайней мере не собираемся потакать капризам мелочного тирана! Припаркуйтесь вон там, под крытыми въездными воротами!

Услышав это, дворецкий протянул руку, чтобы помочь ей снять пальто, и преспокойно попытался отменить приказ.

— Ваша машина должна ждать за воротами, а не в каком-то другом месте, — дерзко сообщил он, когда Грейнджер повернулся и принялся с трудом спускаться вниз. — Пожалуйста, велите вашему водителю...

— И не подумайте! — оборвала она и, почти швырнув ему трость, сама сняла пальто.

Дворецкий чуть поежился под ее уничтожающим взглядом.

— Грейнджер!

Грейнджер, застрявший на второй ступеньке, обернулся и уставился на хозяйку, вопросительно подняв белоснежные брови.

— Повторяю, встаньте под крытыми воротами, и если кто-то посмеет приблизиться к вам, разрешаю сбить его машиной, — отчеканила она и, явно до-

вольная собой, удостоила дворецкого ледяной улыбки. — Кстати, там стоит черный иностранный спортивный автомобиль. Кому он принадлежит?

— Мистеру Митчелу Уайатту, — пояснил дворецкий.

— Я так и знала, — злорадно процедила Оливия, сунув пальто дворецкому и одновременно выхватывая у него трость. — Вижу, он тоже не желает подчиняться капризам старого тирана.

Гордо тряхнув головой, она тяжело оперлась о трость и побрела по неровному, выложенному сланцевыми плитами фойе на звуки голосов, несущихся из гостиной.

— Мистер Сесил велел вам подождать его в кабинете, — бросил ей в спину дворецкий.

Но несмотря на внешнюю браваду, Оливии не слишком хотелось оказаться с глазу на глаз со своим грозным братцем. Он обладал поистине дьявольской способностью предвидеть любые попытки сопротивления еще до того, как и в какой форме оно было оказано. Поэтому, вместо того чтобы прямо направиться в кабинет, она свернула налево, к гостиной. Остановившись под арочным входом, она вытянула шею, пытаясь отыскать взглядом союзника: на редкость высокого темноволосого мужчину, который вопреки приказу Сесила тоже припарковал машину в неположенном месте.

В гостиной было полно людей, но Митчела не оказалось ни там, ни в столовой, где гости толпились у ломившихся под тяжестью блюд столов. Она уже собиралась вернуться в гостиную, как Сесил, погруженный в беседу с каким-то человеком, случайно поднял глаза, заметил сестру и воззрился на нее холодным, оценивающим взглядом давнего противника, после чего коротким кивком в сторону кабинета приказал немедленно идти туда. Оливия вызывающе вздернула подбородок, но подчинилась.

Кабинет Сесила был расположен по другой стороне коридора, в глубине дома, за парадной лестницей.

14 Обычно во время нашествия гостей массивные,

обшитые панелями двери были плотно закрыты, ограждая кабинет хозяина от любопытных, но сегодня створки были чуть приоткрыты, и оттуда тянулась тонкая полоска желтого света. Сжав ручку двери, Оливия приостановилась передохнуть, расправила уставшие плечи, подняла голову.. и оцепенела в изумлении при виде открывшейся ей сцены.

Митчел обнимал жену Уильяма, а голова Кэролайн покоилась на его груди. С руки свисал кружевной носовой платочек.

— Не знаю, сколько еще я смогу продержаться, — всхлипнула она, поднимая лицо. — У меня больше нет сил.

— У нас нет выхода, — спокойно, но с участливыми нотками в голосе ответил он.

Потрясение мгновенно уступило место сочувственному пониманию. Оливия тяжело вздохнула. Бедняжка Кэролайн совсем исхудала и бледна как полотно. Вполне естественно, что ей приходится искать утешение у кого-то из членов семьи, но ее развратник папаша проводит очередной медовый месяц где-то в Европе с пятой женой, а от Сесила ничего не дождешься, кроме сухих наставлений о необходимости быть сильной в тяжкие времена. Четырнадцатилетний сын Кэролайн сам нуждался в материнской поддержке, и Кэролайн изображала при нем храбрую, негибаемую мать семейства, но самой ей не на кого было опереться... если не считать Митчела.

Привычная благодарность охватила Оливию при мысли о том, что Митчел попал в лоно семьи в тот самый момент, когда от него больше всего требовалось помочь Кэролайн и деду перенести скорбь от утраты мужа и внука. К сожалению, Оливию не покидало ощущение, что будь у Митчела выбор, он не помог бы Сесилу выбраться из горящего дома. Очевидно, у него не было ни малейшего желания поддерживать отношения с родными и их друзьями, и, хуже всего, Оливия была вполне уверена, что он намеревается очень скоро покинуть Чикаго, не предупредив никого, кроме разве Кэролайн.